

Саймон Ле Бон (DURAN DURAN) : «Я не хочу вставать ни на чью сторону»

Послезавтра, 11 сентября легендарный «нью-вейв» коллектив Duran Duran выпускают свой 14-й по счету альбом «Paper Gods». Вокалист группы Саймон Ле Бон рассказывает о пластинке, о новых группах, о политике и России.

Музыкальная индустрия сильно изменилась за последнее время. Каково это для идолов поп-музыки выпускать сейчас новый альбом? Наверное, совсем не так, как в 80-х, когда вы были на пике?

Саймон Ле Бон: Да, ощущения другие, но совсем не из-за интернета и не потому что музыкальная индустрия изменилась. А потому что изменились мы сами. Мы выросли, это наш 14-й альбом. Это совсем не похоже на то, когда ты выпускаешь первый альбом. Записывать дебютную пластинку – это потрясающее занятие. А когда становишься старше, приходится доказывать

себе, что заслуживаешь того внимания, на которое рассчитываешь. Это одна из причин, почему у нас в этот раз ушло так много времени на работу. Мы не могли позволить себе выпустить что-нибудь, что было бы хуже наших самых популярных альбомов. Потому что в современной поп-индустрии очень большая конкуренция. Кому, на самом деле, хочется слушать группу с 35-летним стажем? Это должно быть что-то особенное, да? И мы решили, что не выйдем из студии, пока не запишем то, что понравится нам по-настоящему, пока не поймем, что альбом – действительно бомба.

Трудно было работать с такой высокой планкой?

Возможно, это самая легкая – в плане работы над ней – пластинка в нашей карьере. И да, она крутая. Мы довольны, мы знаем, что записали хороший альбом, он классно звучит. Мы потратили на него кучу времени, но думаю, это была серьезная инвестиция. И мы провели это время в компании замечательных людей – прежде всего я имею в виду Бена Хадсона. Он «склеил» весь материал. А также Марк Ронсон, и Найл Роджерс. Ну и Жанель Моне (Janelle Monáe), и Кайза (Kiesza), Йонас Бьер (Jonas Bjerre) из Mew, Линдси Лохан – это все крутые имена. Но Бен – это тот человек, благодаря которому получился именно цельный музыкальный артефакт, а не просто набор песен.

А как Линдси Лохан попала на ваш альбом? Она же актриса..

Ей было интересно попробовать. Мы дружим уже лет десять, познакомились на каком-то утреннем телешоу в Нью-Йорке. Она

сказала: «О боже, вы же Саймон Ле Бон! Буквально вчера я праздновала день рождения и была одета в вашем стиле!». Так мы познакомились. И как-то она спросила, мол, нет ли у вас что-нибудь для меня, может, я могла бы как-то поучаствовать? Я подумал: у нас есть песня Danceophobia – и хорошо бы, чтобы она сделала ее – там нужно не столько пение, сколько актерская игра, комедийная роль. Она сказала: конечно! Приехала, записалась, и мне так нравится то, как она это сделала. Линдси – настоящий профессионал, думаю, она может гордиться этой песней.

И в нескольких композициях играет гитарист Джон Фрусчанте (ex-Red Hot Chili Peppers)?

Он прислал нам e-mail – мол, я слышал, что Duran Duran снова в студии, и хотел бы тоже поучаствовать в записи. Мы сначала думали только об одной песне, но потом получилась еще одна, потом еще – и в результате четыре с его гитарой.

Duran Duran сильно повлияли на многие группы. Современные

хипстерские нео-ньювэйв-коллективы буквально копируют ваш саунд 1980-х. А могут ли молодые группы оказывать влияние на Duran Duran?

Конечно. Я думаю, что вся музыка, которая звучит вокруг, влияет на нас. Мы постоянно слушаем что-нибудь новенькое, нам интересна вся современная музыка. Если вы услышите нашу пластинку, например, песню You Kill Me With Silence, вы почувствуете современное влияние – некую пустоту: барабаны необязательно должны звучать в течение всего припева. Не могу сказать, что какой-то один конкретный исполнитель или группа повлияли на нас... Хотя, знаете такую группу Tame Impala? Я большой поклонник этой команды! Именно благодаря им моя любовь к современной музыке жива. И еще London Grammar выпустил потрясающий альбом пару лет назад. Это вдохновляет, доказывая, что и новая музыка может быть великолепной.

То есть вы оптимистично настроены относительно будущего музыкальной индустрии?

Я более чем оптимистичен. Сама музыка доказывает это. Я говорю не только о последних пятидесяти-шестидесяти годах поп-музыки. Индустрия доказала, что может постоянно развиваться – возьмите хотя бы последние 600 лет. Появляется все новое и новое. Вообще, когда такое было, чтобы не было музыки? Это же базовый способ человеческого самовыражения. У меня абсолютная вера в музыку. В данный момент в мире так много замечательной музыки, и я горжусь, что мы ее часть. Я надеюсь, что Paper Gods – альбом, который станет частью сознания современных людей.

В 1970-х вы поехали в Израиль и работали там в киббуце. Как так получилось?

Это был, кажется, 1979 год. Я только окончил школу, собирался поступать в университет. Денег у меня не было. Моя девушка сказала: мы можем наскрести на авиабилет, а там либо отправиться на юг Франции, чтобы подзаработать, собирая виноград, либо можно полететь в Израиль, в пустыню Негев и поработать в киббуце. Хотя я тогда еще ни разу не был во Франции, Израиль казался более экзотическим. Так что мы поехали туда с подругой, и чего там только не было! Я влюбился в израильскую девушку-солдата, расстался со своей и написал песню The Chauffeur. Это было отличное время и место, Израиль тогда был совсем не таким, как сейчас, многое с тех пор изменилось...

В молодости вы учились актерскому мастерству. Почему вы не снимаетесь в кино, как это делают многие рок-звезды?

Я начинал именно как актер. И потом отказался от этого пути, присоединился к группе. Я решил, что для меня это более важное занятие, потому что оно подразумевает сочинительство. Как актер только делаешь то, что от тебя хочет кто-то другой. По крайней мере, когда ты начинающий актер. И еще что я не люблю

в этом актерском мире – так это количество задниц, которое тебе нужно поцеловать. А я хотел быть честным, не кривить душой. Играть в группе было подходящим способом жить именно так. Но на самом деле я открыт, и если мне попадется хорошая роль, я сыграю.

Похоже, из-за политической ситуации в России в этом году очень мало зарубежных гастролеров. Приедут ли к нам Duran Duran, если вас позовут?

Я не удивлен, что все так, но думаю, музыка и политика должны существовать отдельно. Единственный раз, когда мы ввязались в политику, это было в 1980-х – нас позвали играть в Южную Африку, в Сан-Сити. И мы решили не ехать, потому что знали – это будет шоу только для белых африканцев. Это был первый и последний раз, когда мы сделали политическое заявление своей музыкой. А теперь что происходит? Все эти споры между правительствами России и западных стран – я не хочу вставать ни на чью сторону... У нас есть музыка, которую мы играем для людей. Мне все равно, кто в какой живет стране. Я не в восторге от этих политических столкновений. У меня есть свое мнение по поводу политики, но оно не касается русских людей или американцев или британцев. С людьми у меня свои особенные отношения, основанные на музыке, а все эти конфликты кажутся

мне отвлечением внимания. Но говоря о том, что всех волнует... По-моему, по-настоящему серьезная проблема не в Европе, а то, что сейчас происходит в Сирии. И я думаю, что руководители стран должны прийти к какому-то соглашению и миру, потому что подлинный враг – не здесь. И то, что сейчас происходит на Украине, по-настоящему ужасно для украинцев, за что бы они ни боролись. И мы должны изо всех сил стараться помочь решить эту проблему, разобраться в ней. Чтобы люди могли зажить счастливо.

Значит, в Россию приедете, если позовут?

Конечно. Есть еще одна причина, по которой я хочу приехать в Россию: слышал, что в Москве есть бар под названием Duran Duran. Хочу туда сходить и выпить там что-нибудь.

Они не связывались с вами, не спрашивали разрешения?

Не думаю, что им нужно наше разрешение. А я просто хочу пойти в этот бар и выпить там с красивой девушкой. Это все, что я хочу.

Lenta Беседовал Александр Зайцев